

КРОКОДИЛ

Редкое исключение.

Рис. М. Черемных.

Сенатор Джонсон в Ростове при встрече с Буденым заявил: — «Я ваш почитатель!»

СЕНАТОР ДЖОНСОН: — Я ваш почитатель!
ТОВ. БУДЕННЫЙ: — А разве я вас бил?

МАГЬ СЫРА-ЗЕМЛЯ (мужику):—Эх, ты, Ерема! Черезполосицей мне руки связал, трехпольем все соки мои выжал, рожью одной меня кормишь, а еще хорошего урожая требуешь!..

ГАЛЛЕРЕЯ ВЫСТАВОЧНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ.

№ 1. Скептик.

Руки глубоко засунуты в карманы штанов. На носу старомодное пенсне. Толстая нижняя губа выпячена. Говорит в нос. Рыжий.

— Ну-с. Где же ваша хваленая Всероссийская Сельско-Хозяйственная Выставка?

— Да вот же, вокруг. Она и есть.

— Н-не вижу.

— Не видите? Но павильоны, экспонаты, посетители... Арка главного входа, опять же...

— Да, но я не вижу выставки. Выставки самой не вижу!

— Помилуйте, да это же выставка и есть! Вокруг.

— Вот это? Вокруг? Выставка? Это вы называете выставкой? Ну, знаете...

— А что такое?

— Ничего, ничего... Не стану спорить... Конечно... Может быть, это и выставка... Но только не так я себе представлял, молодой человек, эту выставку!

— Вы меня удивляете. Ведь на лицо имеются павильоны и экспонаты. Не станете же вы отрицать...

— Бога ради, я ничего не отрицаю!

Нечто вроде павильонов я, действительно, вижу, но есть ли в вышеупомянутых павильонах экспонаты? Это ба-а-льшой вопрос!

— Как вопрос? Позвольте! Мы можем войти в любой павильон. Прошу убедиться. Вот вам и экспонаты.

— Где?

— Да вот же. Стоят. Видите?

— Не вижу. Лошадей, действительно, вижу; а экспонатов не вижу.

— Так это же и есть экспонаты.

— Лошади? Экспонаты?!

— Да. Экспонаты.

— Может быть... может быть... У каждого свой взгляд на вещи. По вашему, пожалуй, этот автомобиль—тоже экспонат?

— Экспонат.

— Ах, так... Ну, конечно... В таком случае... Не смею сомневаться. Но только не так я представлял себе эту хваленую сельско-хозяйственную выставку. Да. Что ж, по вашему, этот человек с сигарой—тоже экспонат?

— Нет, он не экспонат. Он экспонент.

— Ах простите, простите. Экспонент. Не стану спорить. Значит, автомобиль—экспонат, а господин—экспонент?

— Да.

— Так, так... Выставка, значит. А не будете ли вы добры мне объяснить,

что ж это у вас здесь натыкано?

— Это показательный огород. Картофель. Помидоры.

— Ага. Это значит как же: экспонаты или экспоненты?

— Экспонаты.

— И картофель—экспонат, и помидоры—экспонаты? Превосходно! О-ча-ро-ва-тельная выставка! Благодарю, не ожидал...

— Подождите. Куда же вы уходите? Вы еще не видали и сотой части. Я сейчас вам покажу лесной павильон, мелиорационную систему, показательный колхоз... Подождите. Не уходите... Ушел, проклятый!

И напрасно вы будете его удерживать. Скептик непоколебим. Все равно он будет вечером пить чай у знакомой генеральши и говорить:

— Понимаете, Глафира Петровна, такое большевики устроили... такое... Построили павильоны. Понаставили лошадей и автомобилей. Понатыкали какие-то подозрительные овощи. Гуляют иностранцы. Это, говорят, экспоненты, а то, извольте видеть, экспонаты. Пррррродают билеты! И уверяют, что это все—Всероссийская Сельско-Хозяйственная Выставка! И чего только Европа смотрит? Не понимаю... Ужас!

Вал. Катаев.

В ХОЗЯЙСКОМ КАПКАНЕ.

Во время землетрясения в Японии, в городе Шидзуака, погибло 7.000 рабочих текстильной фабрики, так как они были заперты хозяином на фабрике и не могли из нее выбраться. Из газет

Рис. Д. Моора.

D. MOOR.

ЯПОНСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ:—Никаких землетрясений!..

Дружеские шаржи „Крокодила“.

Бухарские купцы преподнесли тов. Малышову шелковый бухарский халат.

Рис. Д. Моора.

Тов. Малышев по бухарски.

„ТЕЛЕФОНОГРАММА“.

Город наш крошечный. Часов мало. По поездам живем да то сол шку.

А потому трудово нь начинается ран

Чу росное, розовое солнце глянет из-за туманных бугров за дышащей паром Переплюнихой,—городишко просыпается.

В Увоенкомате распахнулись рамы, и сиплый со сна голос дежурного Рябошапки уже дудит в полевой телефон:

— Тр-р-р-р-р... Шо? Центральная? Шо? Та який там вокзал... Ну, дайте-ж мини тот самый Исполком... Шо? Тр-р-р-р. Шо? Послушайте... Тр-р-р-р!!

Уисполком наискось, через улицу, в шестиоконной хатке, под старыми тополями.

В исполкоме рябой «делопут», дядько Онисиме, тоже проснулся, открыл окон-

це, гладит запотевшую со сна грудь в волосах и жадно нюхает тополевою почку, а краем уха ловит истошно-сердитые выкрики Рябошапки

— А, шо Онисим Пиотрович, кает из соседней горницы кабинета ночевавший там «зампред» Павло Василич,—никак это Увоенкомат до нас дозвоняе? Отсюдава слышу, як он исполком выкликае...

— То оно так и есть,—соглашается «делопут», с интересом наблюдая за соседом Рябошапкой,—вин давно уж звонит, да шо-то ему нас не дают...

— Та позычь ему в оконце—слышу мол,—советует лениво «зампред». Делопут сурово фыркает.

— От-то брякнули, товарищ зампред... Та на шо-ж тогда и телефон повешен? Шо-б мы як тии бабы через юлицу

перекликались? Коли есть аппарат, то и надо шо-бы по ему «официально» действовать. Пушай дозвонит, а я тогда и отведу зараз...

А Рябошапка все надрывается:

— Тр-р-р-р-р! Шо? Ото треклятый телефон... Шо? Станция?

Заслышав трезвон и крик, с конца улочки, шаркая чоботами по непроснувшейся, властом лежащей пыли, спешит на помощь казак Мелитон.

Тот самый, что от всех болезней лечится керосином.

— Бо вин дуже крепкий и зимой не смерзае... В ем велькая сила е... Як выпьешь стакан,—зараз же болячки выскочат...

Мелитон у Уисполкома.

— День добренький, дядько-делопут... Послушайте,—говорит он взволнованно,—до вас военкомат зычится...

— Я то слухаю, а вот станция ему мне не причепляется,—флегматично говорит «делопут». Но, сжалившись над Рябошапкой, лениво встает и бредет к своему аппарату.

Трезвон удвоился. Станция прочухалась и соединила, но битые мембраны хрипят и слова еле слышны. Мелитон «дополняет недочеты связи» и, ковыляя на простреленной «бандюками» ноге, бегае от окна к окну, через улочку.

— Прымить телехронограмму-у!—орет на весь квартал Рябошапка.

— Воны телехронограмму вам сказывають,—поясняет Мелитон, перебежав улицу.

— Номер восемьсот одиннадцать...

— Восемьсот одиннадцать, записывайте швидче,—волнуется Мелитон и снова бежит туда, к Военкомату, сияя от радости. Еще бы! Помогают властям!

—И на оном основании должно принять меры,—гудит Рябошапка.

— Шо?Наяком основаны?Не дослышу!

— На оном, на оном!—волнуясь поясняет вездесущий Мелитон, вернувшись уже к Исполкому.

— Да отчепись ты, хромюга!—сердится Исполком,—не мешай служебному разговору... Только правительство путаешь...

Мелитон увял. Мелитон садится при канавке и сконфуженно закуривает.

Но без него разговор не налаживается.

Делопут яростно плюет в хрипящую трубку и вылезает на подоконник.

— Дядько Рябошапка! А, дядько Рябошапка!

Рябошапка обрадованно бросает трубку и тоже вылез к оконцу.

— А ну?

— День добрый, сосед... Як почивалы? Вот бисова машина, никак по ей не договоришься...

— Да воно конечно, этак-то не в пример слышнее,—соглашается и Рябошапка,—но сами знаете, дядько Онисиме... служба... Дило казенное... Опять же и неловко... Военкомат... Исполком... Да вдруг через бурьян «официально» балакать будут... На то, значить, и телефон, шо-бы, значить, порядок таи уважение от населения...

— Да воно так...—соглашается Онисим Пиотрович.

«Учреждения» отдыхают. Закуривают. Сплевывают смачно. Потом встают и снова идут к своим телефонам страдать и гудеть.

Ведь надо же передать таки «телехронограмму».

— На шо-ж тогда и телефон!

А «порядок» это—допрежь всего...

Леонид Саянский.

КООПЧАСТУШКИ.

Чтобы с вас не драла шкур
Нэповская нация,
Вы туда держите курс,
Где кооперация.

У торговца-кулака—
Физия противная.
У Еремы-бедняка—
Кооперативная.

Ходит Трифон без портков,
Дарья без передника,—
Покупали не в ЕПО,
У купца-посредника.

Чтоб купец не вспух клопом
От большущей прибыли,
Заводи скорей ЕПО
Для его погибели.

Деревенски кулаки
Крутят махинации:
С бедняков содрать портки
Без кооперации.

Архип.

ТЕАТР НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ.

(Сцена в 1-м действии).

Театр «Революции»
переведен Мейерхольдом
на военное положение.

Явление 1-ое.

Кабинет-штаб. За письменным столом сидит Мейерхольд. На столе 2 полевых телефона. В углу три пулемета. У дверей администратор с деревянной винтовкой стоит на посту. Где-то вдали стучит пишущая машинка.

Мейерхольд (задумчиво).

Военное положение ввел... Пулеметы есть... Часовых расставил... а осады все нет. (Звонит по телефону.) Алло, каса? Сколько билетов продано... Только? (Про себя.) На осаду что-то не похоже... Вот и вводи революционный фронт.

Входит помощник режиссера (адъютант командующего).

Мейерхольд. Донесений со сцены не поступало?

Помреж. Никак нет! (Звонит по телефону.)

Мейерхольд. Слушаю... Хорошо... Прикажите играть сбор на репетицию. (Помрежу.) Отправляйтесь на сцену и постройте артистов, я скоро приеду!

Помреж. Слушаю-с! (уходит).

Мейерхольд. Постойте... Передайте в авточасть, чтобы мне прислали мотоцикл.

Помреж. Товарищ начальник, проехать партером никак нельзя!.. Там заграждения, а через уборные неудобно, мотоцикл не пройдет!

Мейерхольд (гневно). Ладно, ступайте! (Помреж уходит.)

Явление 2-е.

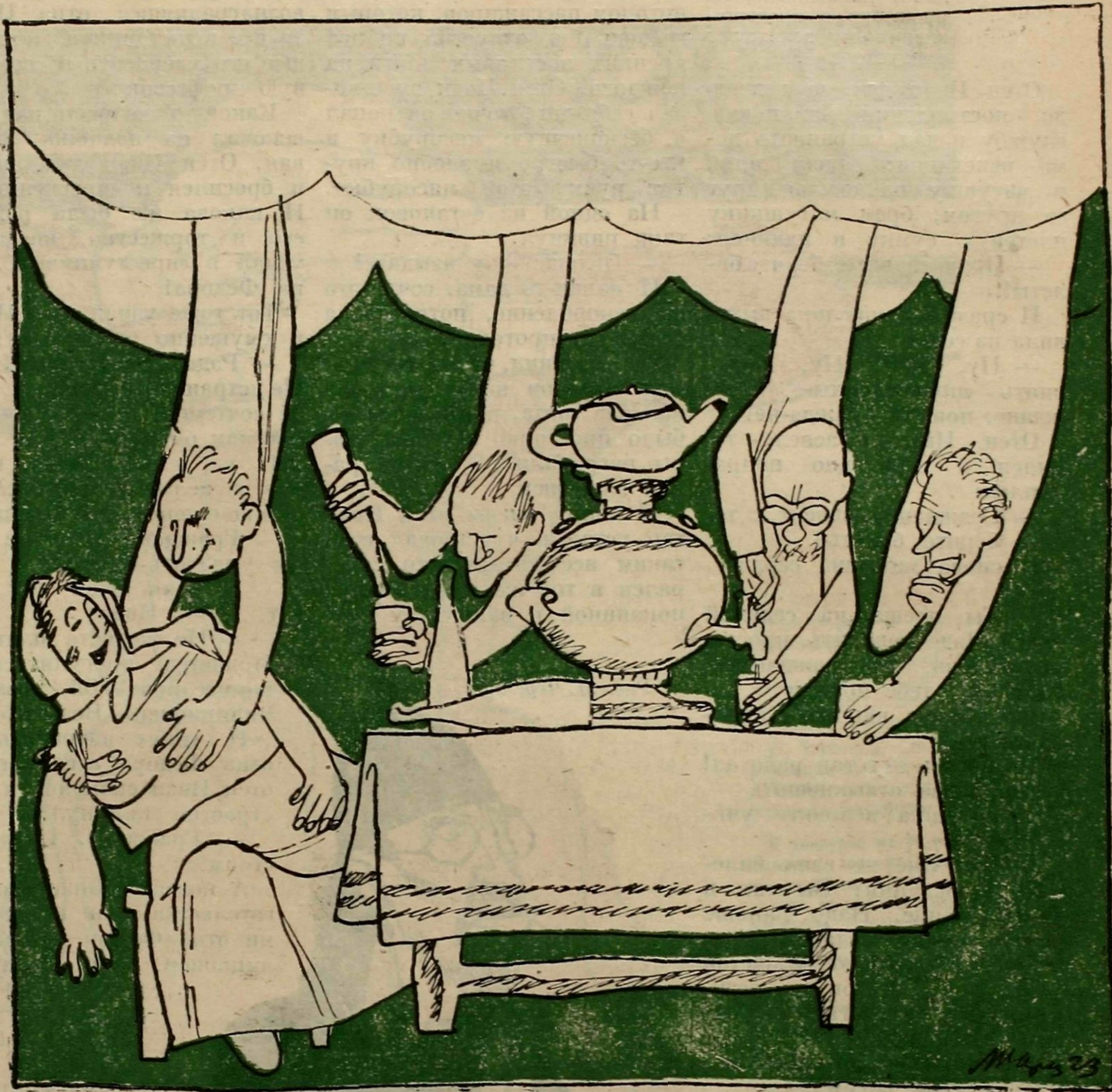
Сцена. Группа солдат (артистов) в прозодежде, стоят кружком, курят. Входит помреж.

Помреж (кричит). Встать, смирно!.. Иванов, убери живот! Смирнов, не разговаривать! К чтению приказа приготовься! (Читает громко). Главный штаб театра Революции приказал: приступить к репетиции Спартака... На первые, вторые роли рассчитайся!..

ПОЛУНЕБОЖИТЕЛИ.

Рис. М. Черемных.

В Киеве один из евангелистов-проповедников заявил, что он слышал глас божий, который возвестил, что все евангелисты уже по пояс в царствии небесном

ЕВАНГЕЛИСТЫ: — «Хоть называй меня небесным,
Но от земли не отрывай!..»

(Слышен счет: Первый, первый, первый...)

Помреж (сердито). Отставать, а вторые где? Чего вы все в первые лезете, дисциплины не знаете?

(На сцене общий шум и перебранка, артисты спорят из-за ролей. Начинается потасовка.)

Явление 3-ье.

Сзади из-за кулис медленно выходит начглавштаба Мейерхольд, со скрещенными на груди руками. Смотрит на сторону, вздыхает и говорит.

Мейерхольд: Попробуй, создай новый театральный фронт с этой публикой. Они не могут даже спокойно роли распределить!..

Помреж (увидев Мейерхольда). Смирно, ребята... Равнение нале-э-во!

(Артисты подтягиваются и быстро становятся на свои места.)

И. Амский.

В ЛАПАХ ТИГРА.

(Ному кино-драма в 5-ти частях, а кому и трагедия).

Вся трагедия в том, что пролетарское кино стонет от засилья «боевиков», считающихся на мешански мелко-буржуазные вкусы.

(Из одной очень хорошей статьи).

Часть первая. Блондинка Мэри Скучает у балконной двери, За сим гулять выходит в сад. (Ее отец весьма богат!)

Она гуляет по цветочкам, Не поднимая вверх ресниц, Являясь лакомым кусочком Для нижеследующих лиц: Каллигарий и Мабузо, Два испанца, три француза, Чарли Чаплин, Гарри Пилль, Грузовой автомобиль 33 аэроплана, Приключения Тарзана, Похождения Мациста, 42 авантюриста, Черный Джэк, грабитель Рейна— И теория Эйнштейна.

Вторая часть. Отменно тих У Мэри есть Дженсон жених, И все ж на ней хотят жениться Все упомянутые лица: Каллигарий и Мабузо и т. д.

Часть третья. Похищение Мэри.

Дженсон рыдает, лежа ниц. Томится Мэри в дебрях прерий В плену у следующих лиц:

Каллигарий и Мабузо и т. д. Четвертая. Довольно игр:

У Мэри есть знакомый тигр. Конечно, с ведома Дженсона Сей тигр на стражу стал закона

И спал, как домашних птиц, Всех нижеследующих лиц: Каллигарий и Мабузо и т. д.

Часть пятая. Ужасный крах. Пока Дженсон глазами хлопал, Дженсона тоже влопыхал

Тигр по рассеянности спал. И, не перенеся потери, За тигра замуж вышла Мэри,

И в полосатом животе Резниво начали возиться, Ругая Мэри в темноте, Вышеизложенные лица:

Каллигарий и Мабузо и т. д. Картина требует морали.

Мораль ясна, куда ни глянь, Послать подальше не пора-ли

Вышеизложенную дрянь: Каллигарий и Мабузо, Два испанца, три француза,

Чарли Чаплин, Гарри Пилль, Грузовой автомобиль, 33 аэроплана,

Приключения Тарзана, Похождения Мациста,

42 авантюриста, Черный Джэк—грабитель Рейна—

И теория Эйнштейна.

Оливер Тауст.

ОТЕЦ-КОНДУКТОР.

Дьякон Всехсвятской церкви в Харькове подал в трамвайный парк прошение о предоставлении ему должности кондуктора.

Отец Иван еще за неделю до поступления на новую службу начал устраивать дома репетиции: сажал детей и матушку на стулья друг за другом, брал матушкину плетеную сумку и начинал:

— Православные, берите билеты!..

И сразу же матушка выходила из себя:

— Ну, вот! Ну, вот... опять «православные». Граждане, понял? Гражданин!

Отец Иван краснел, терялся и нескладно поправлялся:

— Граждане, пожерт... то есть берите билеты!

И снова матушка сердилась:

— Ты поешь на седьмой глас! Надо говорить просто, по-светски, по-граждански! Садись, я тебе покажу.

Отец Иван виновато оправдывался:

— Десять лет так работал! Разве зараз отвыкнешь?

А матушка деловито учила:

— Кто еще не взял билетов? Гражданин? Вы там в синей шляпе. Надо раньше деньги готовить! Граждане, не толпитесь! Местов больше нет? Вагон не резиновый. Вагон трогается! Сойдите с площадки!

И отец Иван повторял угрюмым, густым басом.

— Вагон не рези-но-вы-й! Елицы оглашения... то-есть это... граждане, изыдите!

Больше всего репетициям радовались дети: с ними еще никогда так долго и так охотно не играли в трамвай.

— Папа! Папа!— кричал восьмилетний Петька. — Вот я вскочил на ходу на подножку! Папа! Бери с меня штраф!

И отец Иван покорно останавливал трамвай, а старший сын Сережа изображал милиционера.

После репетиций—матушка снабжала отца Ивана деньгами, и он несколько часов должен был кататься по Садовому кольцу, чтобы изучить свою будущую службу на практике.

Отец Иван и прежде ездил, конечно, в трамвае, но никогда до сих пор работа кондуктора не казалась ему такой сложной, трудной и кропотливой.

Первый день работы на трамвае был необычайно мучителен для отца Ивана. По прежнему он путал «граждане» и «православные», путал оста-

новки, а названия улиц и переулков читал как ектенью. Все грузное тело его было избито, затрепано бесконечным потоком пассажиров, которым господь бог отпустил по два крепких костлявых локтя на каждого. Отец Иван чувствовал себя так, точно он попал в бесконечную мясорубку и кто-то быстро и злобно крутит ручку этой мясорубки.

На одной из остановок он таки рявкнул:
— Оглашения изыдите!
И какая-то дама, сочтя это за оскорбление, потребовала составить протокол.

Он вспомнил, что нужно сказать: «Вагон не резиновый», как раз тогда, когда в вагоне было просторно. И пассажиры наградили его целым градом насмешек.

К концу смены отец Иван так устал и чувствовал себя таким несчастным, что собирался в тот же вечер идти с локайной к залятому вра-

гу «живому» отцу Федору, и просить его об обратном приеме хотя бы дьячком.

Но тут случилось событие, вознаградившее отца Ивана за все испытания и заставившее его уверовать в свою новую профессию.

Какой-то человек на ходу вскочил на подножку трамвая. Отец Иван дал звонок и бросился к «преступнику». И какова же была радость его и торжество, когда он узнал в «преступнике»... отца Федора!

Тот тоже узнал отца Ивана и смущенно забормотал:

— Ради бога, отец Иван! Не устраивайте скандала. После сочтемся. У меня лекция, я и так опоздал!

И вдруг отец Иван впервые за целый день пашел настоящие кондукторские слова:

— Гражданин! Будьте добры уплатить штраф!

— У меня денег при себе нет... Отец Иван.

— Не желаете платить? Придется прогуляться в комиссариат! Эй, товарищ милиционер! Возьмите их!

И чтобы натравить на отца Федора весь вагон—отец Иван спокойно и бесстрастно крикнул:

— Граждане. Из-за их стоим!

А когда осыпавшего ругательствами и насмешками отца Федора увлек милиционер, отец Иван весело крикнул:

— На лекцию ему! Ишь, шантрапа какая! Берите билеты, граждане!

— А ведь не так плохо быть кондуктором...

Рис. М. Черемных.

Вас. Кумач.

Всех-Давишь.

„Библиотека Крокодила“

Готовятся к печати:

- 1) Демьян Бедный.—«У людей дураки—любо каки, а наши дураки—вова каки!»
- 2) Демьян Бедный.—«Крыса преосвященная».
- 3) Демьян Бедный.—«Нэл».

Иллюстрации
худ. Мих. Черемных.

От „товарища“— к „мусью“.

(Посвящается всем подхалимам и хамам).

От разгромов и пожарищ,—
Переживши голод, мор,—
Слово милое «товарищ»
Уцелело до сих пор!
Но горя стремленьем высшим,—
Братства, равенства огнем,—
Слово мы «товарищ» слышим
Реже-реже с каждым днем.
Отцелело «товарищ» тихо,
Спрятал музыку свою...
Восклицают хамы лиго:
«Господин» или «мусью».
Слышу, как—душой бездарен—
Лебезит слонский хам:
—Завернуть все это, барин?—
—Что изволите, мадам?—
И словечек этих грудю,
Лестью рабского томим,
За прилавком частным всюду
Произносит подхалим.
Подхалимам отдадим мы
Эти рабские слова.
Вы—пропали, подхалимы!
В вас едва-ль душа жива!
Нуть наш солнечно-янтарен,
Мы бываем в прах еоземли,
И от слов «мусью» и «барин»
Мы—к «товарищу» пришли!
Это пламенное слово
Будет вечно нам сиять.
Защищать его готова
Наша дерзостная рать!
За него мы дружно бились,
Проливая кровь свою...
Горе вам, что докатились
От «товарища»—к «мусью»!..

Нам нужно знать мнение наших читателей
о журнале

„КРОКОДИЛ“.

Товарищи читатели! Напишите нам
срочно

1) Что не нравится в „Крокодиле“.

Какие рисунки? Какие рассказы? Какие стихи? Чего не хватает в „Вилах в бок“ и „Страничке читателя“ и о чем надо больше в них писать?

2) Что нравится в „Крокодиле“

Мнение о рисунках, мнение о рассказах, мнение о стихах.

Ответы направлять по адресу:

МОСКВА, Охотный ряд, редакция
„КРОКОДИЛА“.

КОНКУРС НА СОВДУРАКА.

Рис. Д. Моора.

Состав жюри конкурса:

Председатель — Демьян Бедный
Члены — Карл Радек, Л. Сосновский, К. Еремеев и Н. Смирнов

ПРЕМИИ 1-я — „Рабочая Газета“ со всеми ее приложениями на один год, собрание сочинений Демьяна Бедного в одном томе, „Библиотека Крокодила“, состоящая из 15-ти книжек, 150 червонных рублей по курсу дня выплаты;

2-я премия — „Рабочая Газета“ со всеми ее приложениями на один год, собрание сочинений Демьяна Бедного в одном томе, „Библиотека Крокодила“ и 100 червонных руб.

3-я премия — „Рабочая Газета“ со всеми ее приложениями на один год, собрание сочинений Демьяна Бедного в одном томе, „Библиотека Крокодила“ и 50 червонных руб.

Что же касается СОВДУРАКОВ то таковые получают звание первого, второго и третьего СОВДУРАКА СССР.

Биографии и портреты премированных совдураков будут напечатаны в „Рабочей Газете“ и в „Крокодиле“. Прodelкам премированных совдураков будет уделено не менее страницы журнала.

И, наконец, „не щадя затрат“, редакция вышлет означенным СОВДУРАКАМ посвященные им номера журнала бесплатно.

В конкурсе могут участвовать все. Фамилии корреспондентов, в случае их желания, могут не опубликовываться, но редакции они должны быть известны. Последний срок присылки материалов — 1 ноября. Результат конкурса будет объявлен 1-го декабря.

Материалы направлять в конвертах с надписью:

Москва, Охотный ряд, редакция „Крокодила“ — на конкурс совдурака.

„Крокодил“.

Кто он, — этот совдур, закрывающий от „Крокодила“ свое лицо?

Чем этот-ли вопрос волнует сейчас всю читающую Россию?

Не этот-ли вопрос занимает умы всех рабочих и работниц?

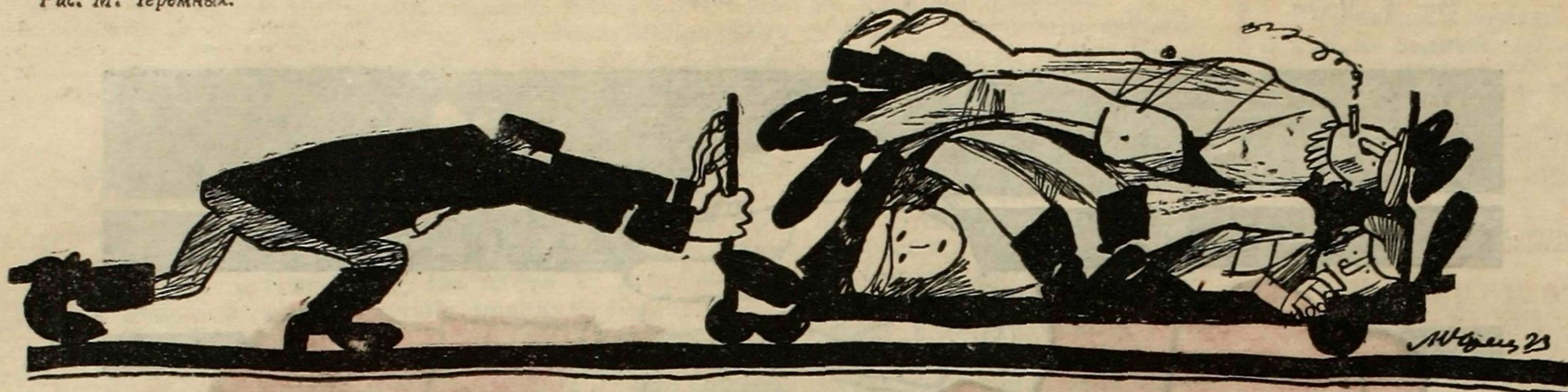
Не директор-ли это завода, не зарвавшийся-ли администратор?

А может быть он — председатель Треста? Может быть он, — важная шишка?

Но... спокойствие, товарищи!

„Крокодил“ покажет вам в свое время его лицо!

Рис. М. Черемных.

Погрузка.

ЮМОРИСТ.

В дверь постучали.
Секретарь крикнул:
— Войдите!
Вошел мрачный человек в приплюснутой кепке, в рубашке с расстегнутым воротом, с пузатым портфелем под мышкой. Он мрачно осмотрелся и мрачно спросил:
— Секретарь где у вас тут?
Секретарь сделал вежливое лицо и вежливо ответил:
— Я секретарь. Чем могу служить?
Мрачный человек рванул к себе стул, уселся, шлепнул портфелем по столу и строго сказал:
— Вот! Принес матерьял. Для журнала.
Потом приподнялся, протянул секретарю руку и представился:
— Игнатий Лахундра. Юморист.
— Хорошо,—покорно вздохнул секретарь, пожимая руку,—вы, товарищ, оставьте, мы потом просмотрим. Подойдет—напечатаем.
Лахундра исподлобья посмотрел на секретаря и буркнул:
— Нет уж, читайте сейчас.
— Сейчас я не могу,—мягко ответил секретарь.—Вообще у нас правило...
— Нет уж вы читайте,—перебил Лахундра.—Что значит не могу? Вы—секретарь, так и читайте.
— Но ведь я, товарищ, сейчас занят!—стараясь не повышать голоса, сказал секретарь.—Оставьте материал, мы его просмотрим.
— Так, так!—мотнул головой Лахундра.—Значит заняты? Ну тогда я сам прочту.
Он потянул к себе портфель и извлек из него толстую тетрадь.
— У меня все самое юмористическое. Я прочту сначала стихи, а потом рассказы. А то может анекдоты хотите?
Секретарь сжал голову руками. Лахундра откашлялся и начал читать:

— Анекдот номер первый. Приходит Чичерин к Пуанкаре и говорит ему...
— Послушайте, товарищ,—умоляюще сказал секретарь,—ведь я, ей богу же, занят!
— А вот анекдот номер второй,—не обращая внимания на секретаря, продолжал Лахундра.—Был это, значит, банкет. Вот Ллойд-Джордж говорит: «Пью за здоровье Белого Слона!», а Пуанкаре говорит: «Пью за чашу мудрости!», а Микадо (это японский царь!) говорит: «Я пью за мое знамя, которое развевается над всеми народами востока!». А Чичерин встает и говорит: «А я пью за медведя, который белого слона...»
— Товарищ!—с отчаяньем крикнул секретарь.—Да не желаю я слушать ваши анекдоты! Вы отнимаете у меня время!
— Это еще вопрос,—проворчал Лахундра,—кто у кого отнимает. А вот слушайте я вам стихи прочту. Очень смешные стихи. Я их в Ростове на Дону сочинил. Вот:
Жена одна сказала мужу:
«Я равноправие хочу теперь иметь».
А муж ей говорит...
— К черту!—крикнул секретарь.—Если вы не понимаете русский язык или оглохли, так я в третий раз говорю вам: я сейчас занят! Мне нужно срочно готовить номер! Оставьте ваши анекдоты и приходите через неделю!
Лахундра медленно закрыл тетрадь, медленно засунул ее в портфель и, прищурившись, ехидно спросил:
— Не желаете слушать? Зависть берет? Испугались конкуренции? Появился новый юморист, вы и слушать не хотите? Так, так.
Он вытянул руку и свирепо прорычал:
— Это вам даром не пройдет! Я жаловаться на вас буду! К самому редактору пойду!
— И прекрасно!—буркнул секретарь.—Жалуйтесь. До свиданья!

— Присаживайтесь, товарищ,—ласково сказал редактор.
Лахундра сел, потом вскочил, протянул редактору руку и отрезал:
— Лахундра! Юморист!
Снова сел, извлек из портфеля тетрадь и, не тратя слов на вступление, сразу приступил к делу.
— Стишок на современную тему. Заглавие: «Неудачная любовь».
Хоть я человек не партийный.
Но увлекаюсь очень сильно
Раз мне встретила красotka
одна
Была коммунисткой партийной.
—Я ей сказал...
— Простите, товарищ,—мягко перебил редактор,—с материалом прошу вас обратиться к секретарю.
Лахундра захлопнул тетрадь, встал и прищурившись, спросил:
— Не желаете слушать? Конкуренции боитесь? Зависть берет?
— Какой конкуренции?—сказал удивленный редактор.—Если не ошибаюсь, вы принесли материал. Его нужно сдать в секретариат.
— Так, так,—замотал головой Лахундра.—А в секретариате тоже не хотят слушать, боятся конкуренции.
— Извините,—вежливо сказал редактор,—я очень занят. Пройдите, пожалуйста, к секретарю.
Лахундра смерил редактора презрительным взглядом.
— Значит не желаете слушать—сказал он.—Боитесь? Так я вас выведу на чистую воду. Вот возьму и пойду в другую редакцию. Там у меня с руками оторвут.
Через полчаса Лахундра стучался к секретарю редакции журнала «Красная Красива».
Секретарь крикнул:
Войдите!
О дальнейшем смотри начало.
Архип.

НЭП-МОСКВА.

ПИВНАЯ.

Бездомное пивное горло
Дурманым говором трещит,
И пахнет воздух перегорилый,
Как николаевские щи.
Засыпано горохом стойло
Гудит ослиный смех и вой,
И гнусно золотится пойло
Под шапкой пены снеговой.
Корзины грязная служанка
Не успевает подавать,
Шалет за субботней пьянкой
Мастерская голова.
Здесь лавочник потеет в давне
С второю дюжиной в бою,
Худой интеллигент в отставке
Здесь допивает жизнь свою.
С эстрады в старой паре фрачной
Артист у пива на цепи
Романс о жизни неудачной
Пропитым голосом хрипит.
А между столиков калена,
Глухонемой иль инвалид,
Напрасно ищут человека,
Который рубль им отвалит.
И от пинков, как пес, спасаюсь,
Нечесана и вся в пыли,
Девчонка рваная, босая,
С рукой протянутой юлит.
Но люди не затем засели
В пивную, чтоб себя терзать.
Им нужно пенное веселье,
А не просящие глаза.
«Еще полдюжники! Дай пару!
Сюда семь кружек! Мне одну!»
И пухнут рыла, как опара,
И скалят белую десну.
— Пойдем домой!—кого-то молит
Седая женщина в платке.
Но сын молчит, с щепотной соли
В руке, с глазами в потолок.
Темно за окнами. Сквозь дождик
Мелькают тускло фонари.
Но где-то солнце держит вожжи
И рассвету рвущейся зари.
Сергей Городецкий.

ВЫСТАВОЧНАЯ ЧАСТОШКА.

Рис. Д. М.

Хоть впервой пришлось и туго,
Хоть различны языки,—
Все-же поняли друг друга
Всех наречий мужики.

ФИЗКУЛЬТУРНЫЙ ТРЕНАЖ.

(Истинное происшествие.)

«...боевой задачей рабочего театра является потенциальная работа над пьесами, фундаментальными и портативно-районными и повышение своей квалификации по двум основным линиям: марксистского воспитания и сценическо-физкультурного тренажа актера... (?)

Из резолюции общего собрания 1-го рабочего театра пролеткульта. (Известия ВЦИК.)

Когда Аннушкин муж, слесарь с меднопрокатного «имени Энгельса», разменял дочиста в пивнушке «Брошенная Роза» последнюю пятисотку, Анна всплеснула руками в мыльной пене и, бросив стирку, побежала к соседке—токарке Алене.

— Яви ты божецкую милость, скажи своему-то,—он ведь у тебя все по клубам да театрам,—пущай он моего-то из пивнушки извлечет... Уже чего я не делала, а все никак он заработок в целости до дому дотащить не может... Пущай уже лучше клуб, али даже просветы ихние, только-б голодом не сидеть...

Авось твой-то его устыдит да с собой в культуру заманит...

Алена сочувственно обещала и обещание выполнила. Через день, в перерыве, токарь сказал Аннушкиному слесарю, отведя его в сторону.

— Слышь-ка, братишка, чего я тебе скажу... Не надоело тебе еще по пивнушкам-то мотаться? Айда-ка лучше к нам в клуб... У нас, слышь, нонче как раз рабочий Пролет-театр там заседает... Пойдем-ка вечером на собрание к им... Интересно ведь... И время займем и деньги целее...

Там, браток, культура! Все наши ребята поди-ка орудут!

Вечером, по дороге в клуб, Алена токарь вдохновенно разводил руками, поясняя устыдившемуся слесарю:

— Р-рабочий театр, братишка! А не как-нибудь... А как мы есть металлисты, то и должно нам в нем участие иметь... Одно слово—Пролеткульт! Вот, помяни мое слово, и сам к им втянешься... Потому—интересно... Наше ведь это...

На собрании было многолюдно и жарко. Под портретами на эстраде заседали бритые люди в «гаврилках» и самовязах и говорили про непонятное. Запотевшая аудитория жадно вслушивалась и, уловив редкие знакомые слова, облегченно вздыхала и сморкалась,—нет, по русскому, видно, говорят все-таки... Слесарь мрачно слу-

Рис. М. Чебомайт.

— Ну, что вы вынесли с Выставки?

— Да многое вынес: вот шкурки недурные, горностаичик, да еще вот три тесинки с собой вынести умудрился...

шал и с тоской вспоминал залиvistую гармонию и уютный зал в елках, там, на углу, под зелено-желтой вывеской.

На третьем часу заседания вышел тощий, в очках и тубетейке парчевой, и залился соловьем:

«Учитывая, что эволюция рев-раб-театра в вопросах содержания и в вопросах постановочной, монтировочной и индивидуально-актерской техники достигла того рубиконного этапа, когда кардинальной задачей является интен-

сификация производственной работы, потенциально реализующей все теоретические положения и достижения, найденные в процессе лабораторных и дискуссионных путей за эти годы, а также фиксируя прогресс работы над пьесами портативно фундаментально-районными, плюс повышение квалификации в деле физкультурного сцен-тренажа в его переходной фазе...—Дальше Аннушкин слесарь выдержать не мог.

Через час он победоносно горланил, угощая переконфу-

женного токаря в «Брошенной Розе»,—Пей! Во! Выдал?

И тыкал ногтем в этикетку.

П-и-з-о... Вот это, браток, без обману, и просто и всяк понимает... Пиво—так пиво есть... А то физ-куль-ту-ра-дренаж... Токарь хмелел, крутил стыдливо головой и сокрушенно бормотал:

— Ишь ты... вот ведь оно как обернулось... Очень даже замечательно... Эко дело-то... А? А говорили, мол,—наш театр.. Эх... И откуда они взялись... В тубетейках-то...

Леонид Саянский.

Из некоторых павильонов Всесоюзной Сельско-хозяйственной выставки произведено несколько хищений самых разнообразных экспонатов. Из газет.

ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА.

Рис. М. Черемных.

— Слышала, Вера Ивановна, через три дня и у нас землетрясение будет. Предпосле не времена настали!

— Правду говоришь, кума. Оттого и цепи все растут...

ВНЕ КОНКУРСА.

(Рассказ хозяйственника).

Вот вы все говорите—совдурак, конкурс устраиваете,—только который дурак, он это про себя держит; а вот я все до точности расскажу.

А скажу я про себя, что есть я совдурак и при том вне конкурса: знаю, что и премию не получить—премию кто поумней получит. И потому я совдурак, что мог быть человеком не хуже других, а вот теперь сижу в арестном доме.

Судите сами:

Служил я до революции по частным фирмам и большое доверие имел: жил, можно сказать, не плохо, как имел

хороший доход от торговых операций. Дело известное—там тебе грош комиссии,—здесь грош—и глядишь на законном основании не одна сотня в кармане, а чтобы украсть—ни-ни! Да разве мыслимое дело! Хозяин, бывало, лист бумаги унесешь—и то заметит: а вот около дела наживай сколько хочешь.

И наживали. Но произошел переворот, частные дела закрыли—кто еще думал, как быть, а я без всяких разговоров пошел в совнархоз—он тогда еще организовываться начал—и дали мне небольшое место по специальности, как я—мануфактурист. Тут-то и приходит ко мне Епишкин—я его раньше зная за человека пустого—конторщиком служил и,

кроме как входящие записать, никакого дела не разумел. Разжалобил он меня, что житье плохое,—взял я его себе в помощники: под хорошим контролем и он работать сможет.

Служил я по совести—боялся—и стали меня отмечать, как хорошего работника. Призывает однажды председатель и говорит:

— Не хотите ли отделом металла заведывать?

— Я этого дела не знаю...

— Ознакомьтесь,—говорит,—мы вас ценим, как честного человека... А через два дня после того, как я отказался, приходит ко мне мой Епишкин:

— Я,—говорит,—на новое место перехожу. Заведывать отделом металла!

А сам нахальный такой:

— Привыкну!

Тут я себя впервые по лбу хлопнул.

— Дурак!

Так и вышло, что дурак: наше учреждение за распределением всей мануфактуры упразднили, а весь штат и металлический отдел направили, потому там еще не весь товар распределен был,—и назначили меня к Епишкину в помощники.

Присмотрелся я к делу—вижу там сотруднички между собой больше распределяют. Я к Епишкину,—а он мне:

— Подождите до ревизии,—скоро ревизия будет.

Я, конечно, жду. Опись сделал, расход-приход проставляю, к выдаче строго отношусь. Приехала ревизия—у всех дела никуда, а у меня, как стеклышко! Проверили все и говорят:

— Надо изменить порядок отчетности. Старые книги по боку, а заведем новые и новые ордера...

Да так этим делом увлеклись, что на нехватки и вним и я не обратил.

— Везде так было—не лучше. Ну да теперь на новые рельсы перейдем!

Я опять Епишкину,—по душе:

— Неужели же, спрашиваю никто не ответит?

А Епишкин мне по секрету:

— Чего же вы,—говорит,—зевали? Я же вам сказал—до ревизии... Значит понимай—до ревизии можно!

Ну, думаю, и башка же у меня!

Дальше дела такие пошли, что и украсть стало нечего—одно дело—пайк, да я и тут спл шал. Люди себе и го получили, и другое, а мне нет и нет. Спрашиваю:

— А вы, говорят, что же не хлопотали?

А я и заявления подавал, и списки...

— Ну,—говорят,—списки! Вы бы ко мне пришли...

— Дурак!

Все за это время прсжил,—а когда на НЭП перешли, некоторые—и тот Епишкин, хоть бы и торговлю открыть—столько всего натащили, а я гол, как сокол!

Дали мне в заведывание небольшую фабрику. Рабочих человек сто и предмет выработывала нужный. Я за дело с радостью взялся: жалование хорошее и доходы... Только месяц проработал, два проработал:

— Нет заказов, да и только!

Я к тому же Епишкину.

— Ничего, я заказчика пришлю!

И верно прислал заказчика хорошего. Одну работу ему выполнил, он доволен остался.

ЗАКОННИКИ.

В церквах устраиваются духовные концерты, лекции и собеседования с платой за вход.

— Я, говорит, вам много работы дам—на меня не в одном месте работают. Только напишите мне счет на семьсот...

Я так и ахнул:

— Я же вам за двести сделал... Ну десять процентов еще смогу, а больше неудобно...

Так и сделал. Только время идет—нет заказов, да и только. Встречаю его как-то на улице:

— Что же, заказец-то?

— Да с вами нельзя стовориться... Уже другим сдал... Что ж, ведь вы...

— Сам знаю—дурак!

Мучился, мучился, пока меня по жалобе рабочих не сместили

И назначили меня в контору ордера писать. Я Епишкину об этом сказал—Епишкин теперь был птица! В автомобиле ездил!

— Здесь, говорит, тоже можно... Пользуйся!...

Ну, думаю—воспользуюсь! Нет, шалишь, своего не упущу! Нонче время такое—урвал и беги. Знаю, что не то плохо украсть, а плохо украсть без времени. Одним словом теперь решил не быть дураком; написал ордер фальшивый, сам под председателя росчерк сделал—и пошло!

Только через три дня после того приходят ко мне и меня голубчика под стражу. Добрые люди говорили:

— Зачем это вам было? При нашем-то председателе вы могли бы настоящий ордер сделать... Все мы так работаем.. Эх вы...

Ну, конечно:

— Дурак!

И сижу теперь в принудительном, да только руками развожу:

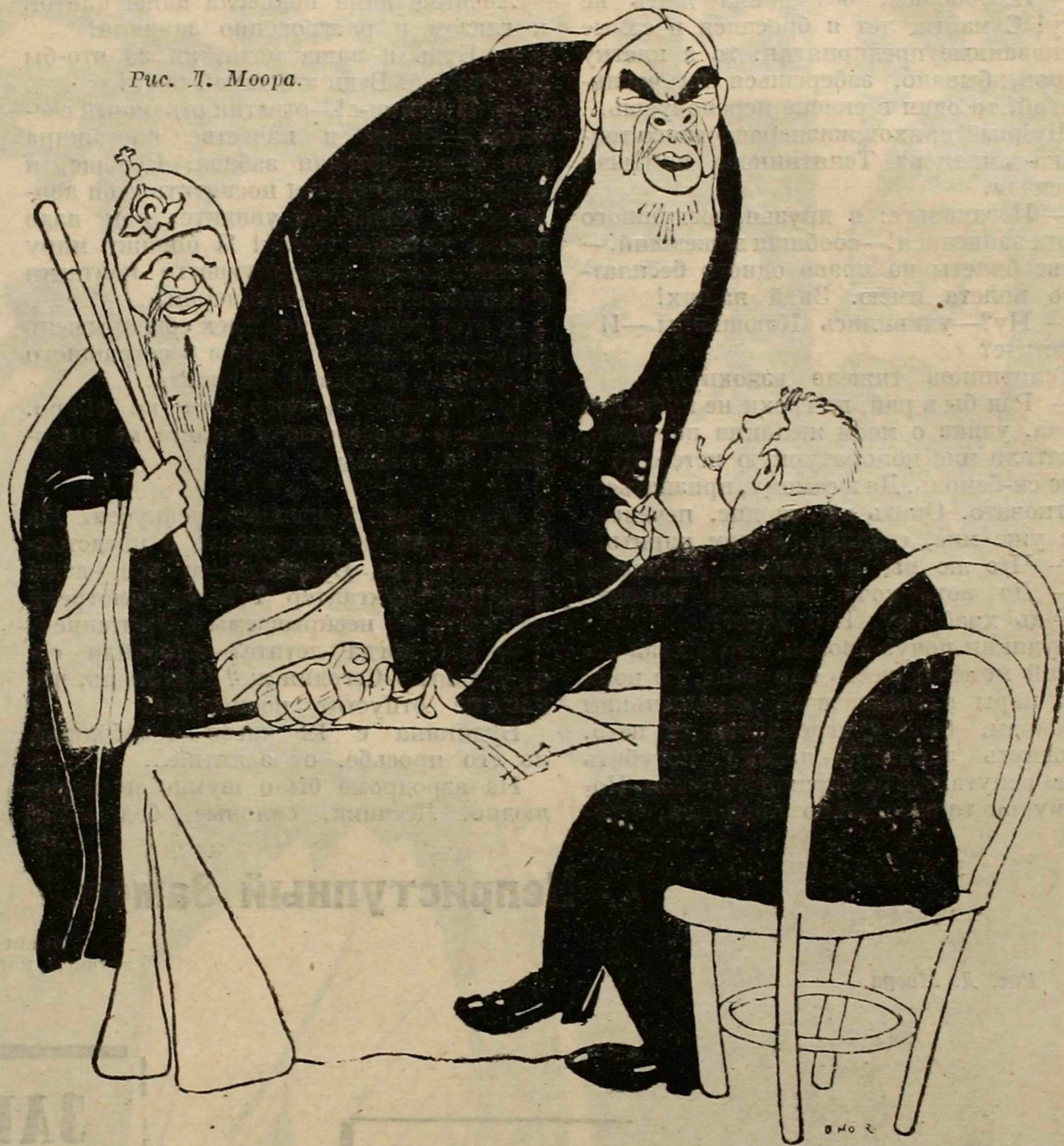
— Как это я? Столько случаев упустил, а тут за зря можно сказать влип! Не сумел примениться к советским обстоятельствам—прежде, бывало, кто хитрее меня мог обернуть? А теперь что я такое?

— Дурак!

Даже и премии мне не выдадут—выдадут тем, кто поумнее меня.

Матвей Кредит.

Рис. Л. Моора.

АНТОНИН:—Актеры вот на нас с Тихоном обижаются, говорят—хлеб у них отнимаем. Так запишите нас в члены Рабиса солистами-одиночками, чтобы все по закону было...

САТИРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА „КРОКОДИЛА“.

Вышли из печати и поступили в продажу:

- 1) Демьян Бедный:—„Как Крокодил в церковь ходил“.
- 2) Демьян Бедный:—„Как 14-ая дивизия в рай шла“.
- 3) Демьян Бедный:—„Что нам, то гоже, а с нас за что-же?“.
- 4) „Лавочник-разлучник“—сборник рассказов.
- 5) „Красный Богатырь“—сборник, посвященный Красной Армии.
- 6) Лев Никулин:—„Сказание о воздушном флоте“.
- 7) „Живой Крокодил“—сборник пьес для постановок в рабочих и красноармейских клубах.
- 8) „Живой Крокодил“—второй сборник.
- 9) „Приключения“—сборник рассказов.
- 10) „Приключения“—второй сборник рассказов.
- 11) „Балда“—сборник рассказов и стихотворений.
- 12) „Пятачок погубил“—сборник рассказов и стихотворений.

Книжки снабжены красочными обложками и иллюстрациями художников Ив. Малютина, Д. Мельникова и М. Черемных. Цена каждого выпуска—20 коп. золотом.

РОЖДЕННЫЙ ПОЛЗАТЬ...

Счетовод Будякин сидел за столом у Ключкиных, пил чай с вареньем и гордо повествовал:

— Я, вообще, без риска жить не могу! С малых лет я бросался в самые рискованные предприятия: то в клетку тигров, бывало, заберешься на часик-другой, то один в склепе переночуешь...

Шумный приход жизнерадостного толстяка-землемера Телятникова помешал рассказу.

— Поздравьте: в друзья воздушного флота записался!—сообщил вошедший.— Даже билеты на право одного бесплатного полета имею. Знай наших!

— Ну?—удивились Ключкины.—И полетите?

Телятников тяжело вздохнул:

— Рад бы в рай, да грехи не пускают! Жена, узнав о моем желании полетать, закатила мне колоратурную истерику в тоне си-бемоль. Да и самому, признаться, жутковато. Опять же сердце, печень... Где уже мне, старику, орлом парить!

— Что же вы с билетом сделаете?

— Да вот, хочу передать какому-нибудь храбрецу. Кто хочет?

Будякин почувствовал, что настал великий момент: шесть пар глаз, из коих три пары принадлежали хорошеньким совбарам, были устремлены на него. Дрогнуть значило—навек погубить свою репутацию бесстрашного героя. Поэтому он торжественно поднялся, про-

тянул руку за билетиком и гордо, кратко произнес:

— Я полечу! Завтра же.

Глубокое уважение к смельчаку исказило лица присутствующих.

Хозяйка дома поднесла даже платок к глазам и растроганно заявила:

— Будь я ваша мать, ни за что-бы не пустила. Ведь это такой риск!

— Пустяки-с!—ответил отважный счетовод.—Полет в качестве пассажира для меня—детская забава. Вообще, я окончательно решил посвятить себя авиации—и тогда вы увидите, как надо делать мертвые петли! Я покажу миру новый вираж планирующего контакта с выключенным пропеллером!..

В этот вечер сердца трех совбарышень забились сильнее, и образ бесстрашного Будякина не давал им спать...

Сам герой заснул тоже не скоро. Мысль о предстоящем полете не выходила из головы...

* * *

Утром чай показался невкусен. На службе уже успели узнать о предстоящем подвиге Будякина—и все, даже желчный бухгалтер Грызов, смотрели на него с нескрываемым почтением.

— Вы когда летите?—спросили сослуживцы.—Сегодня же? Как жаль, что нас не отпустят посмотреть!

Будякина с 12 часов освободили, по его просьбе, от занятий...

На аэродроме было шумно и многолюдно. Летчики, сильные, бодрые, с

открытыми, смелыми лицами хлопотали у аппаратов. Крылья аэропланов показались Будякину хрупкими и неустойчивыми.

— Гм! Пожалуй, не выдержат... моей тяжести?—подумал он, и самому даже неловко стало.

Утопающий хватается за соломинку. Счетовод начал шарить глазами небо, ища хоть какой-нибудь тучки. Но оно было ясно, чисто и лазурно

— Теперь ясно, а взлетишь,—и буря вдруг сорвется!—подумал он.—Не отложить ли мой полет?

С характерным шумом взвился первый аппарат. Запетлил. Пошел вверх спиралью.

— Здорово!—заметил кто-то.—Вон как жизнью рискуют смельчаки. Ведь, ежели сверзнуться отсель, — костей не соберешь!

По спине Будякина прошел Ледовитый океан. Рука в кармане конвульсивно сжала бумажку на право полета... Было жутко.

* * *

Счетовод внимательно разглядел публику—нет ли знакомых. О, счастье!—никого.

Украдкой, как вор, выбрался он из толпы, покинул аэродром и, оглядевшись, вынул из кармана билетик. Скомкал его, не глядя, и бросил. Ветерок подхватил белый клочек, взвил его на воздух и швырнул в ров... Будякин облегченно вздохнул.

Неприступный Замок.

Рис. Д. Моора.

„Наши кооперативы сплошь и рядом закрыты в те часы, когда мы свободны“.

Из письма в „Крокодил“.

1. Закрывается по случаю... обеда.

2. Закрывается по случаю... праздника.

3. Закрывается по случаю... переучета товара.

Иван Малютин 9/16

— Хожу-хожу по выставке и не знаю, на что раньше смотреть. Жаль, каталога нет!
 — Каталога нет? Чего же вы беспокоитесь? Вот закрется выставка и к тому времени как раз каталог готов будет!

Вечером он сидел, развалился, у Ключиных и вдохновенно рассказывал:

— Подаю билет. Меня с почетом усаживают в аэроплан. Летчик неопытный, волнуется. Но я его успокаиваю: «С таким пассажиром, как я, — говорю, — вам нечего бояться. Вперед! Но условие: идти планирующим спуском вверх со скоростью ста мертвых петель в час!» Взлетаем. На высоте тысячи километ-

ров — буря. Закуриваю. Летчик делает мертвую петлю, и я спокойно говорю ему...

Внезапный приход Телятникова прервал интересный доклад Будякина.

— А, вы здесь, дорогой мой! — воскликнул толстяк. — Очень кстати! Я виноват перед вами и хочу исправить свою невольную вину.

— В чем же? — удивился Будякин, поднимаясь.

— Ха-ха! А вы и не заметили? Верго, на билетик-то не посмотрели. Я вам по ошибке, вместо билета на право полета, дал сезонный билет в... семейные бани-с! Вот — настоящий.

И он протянул ему бумажку. Будякин упал на стул...

Д.м. Делев.

Веселый «кружок».

Разные бывают кружки!.. Вот, например, о каком рассказывает «Брянск. Рабочий».

В д. Кучееве Кумневской вол., Почепского у. имеется культурный кружок, который между прочим нигде не зарегистрирован. За короткое свое существование этот «культурный очаг» деревни так «показал себя», что его не мешало бы разогнать. Так, например сборы с проводимых спектаклей идут на «ужины, кроме того, кружок имеет «бюро знакомств» (!) и еще ряд вовсе некультурных уклонов.

Необходимо, чтобы в это «бюро знакомств» зашел представитель Уполитпросвета и, познакомившись с «Кружком», сделал соответствующий вывод... А после вывода будет вероятно и «выгон», который предлагает газета.

Очковая волокита.

В начале сего года служащие Мологской почтово-телеграфной конторы получили от врача Таховцева рецепт на приобретение соответствующих очков для занятий.

Но, как издревле у нас бывает, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

По предписанию управления верхневолжского округа связи послали отношение в Н.-Новгород в округ.

Ждут очков и вот проходит месяц-другой и лишь на четвертый месяц получают, но не очки, а обратно рецепты с окружной бумажкой—что, мол, очки-то вы получите от местного здравотдела, куда и надлежит обратиться?!

Обращаются почтовики туда, но очков нет.

Так продолжается и по сие время. («Рабоч. и Пахарь».)

Собственно говоря, эти волокитчики все время оперируют с очками. Только не выдают их, а «втирают»...

«Шуточка».

Бывают такие веселые люди, которые способны шутить даже на похоронах, хоть с самим покойником. А пошутить с больным, это для них самое обыкновенное дело...

Об одном из таких шутников рассказывает владимирский «Призыв».

Дело происходит в с. Черкутине Влад. у.

Приходит в сельскую больницу женщина.

Принимает «фершал».

— Что, тетушка?

— Да вот чего-то в глаз попало, ба-тюшка! Вызволи!..

— Чего же тебе попало? Бревно, аши полено?! Ха-ха-ха!..

— А не знаю... Посмотри,—вам лучше знать!..

Фельдшер дает рецепт:

«Поди домой и возьми курицу или цыпленка, а еще лучше петуха! Наставь его прямо в глаз—он и вытащит чего тебе попало!»

А самому этому «фершалу» Крокодил дает такой рецепт:

— Поди домой, возьми вилу и ткни ей себя в бок! А свою я о такого дурака и марать не хочу!..

«Латинская кухня без кушаний».

Серебряковское «Красн. Слово» описывает более чем оригинальную аптеку:

В нашей аптеке есть все что угодно, но нет сущего пустяка, без которого можно свободно обходиться населению,—лекарств.

Полки набиты всевозможными банками, полбанками и четверть-банками.

Наши письма, которые мы посылаем в лит-коллегия, так исправляются, что мы потом не узнаем их. Из письма в «Крокодил».

Черкутинский район

Дорогой Крокодил!

Работа у нас на заводе идет прекрасно. Директор совсем не заботится об снабжении фабрики сырьем производством. Директор берет заводские шмадей для катания своей жены и завел себе трех прилеге его окружат не работницы А. В. такие деревенские нужны знать с завода. Завком не жалеет Указки вам за

работниками и не дает им проходу с. В. предложениями. Все в. самовластно, хотя рабочим жалованья выдано за два месяца вперед. Охрана труда ничего не делает для рабочих в горячих цехах. Нельзя видеть вентилятора.

Вобщем же завод а. В. В. Спектакли и книги не были бы 200 за год.

Дорогой Крокодил ждем тебе здоровья. С. С. С. С.

Слесарь Степан Иванов

Письмо доставил Вас. Лебедев

Как платье красит человека, так банки и флаконы одеколона красят аптеки. А банки ведь не простые! Белые с надписями на латинском языке. И стоят банки серьезными, но... пустыми. Рецепт в эту аптеку надо прописывать так: Воздух 0,5 Пустоты 0,1 Пространства 0,2. Принимать через час по столовой ложке—и через 3 дня отправляться на кладбище.

Св. балалайка. Ставропольская «Власть Советов» рассказывает. В селе Безопасном, священник о. Николай, обходя прихожан с молитвой, недавно был настолько пьян, что принялся танцевать с балалайкой. Крик и насмешки собравшей толпы привели его в себя настолько, что он вспомнил о кресте, с которым ходил из дома в дом по—увы!..—крест был потерян. — Никто бо без греха!..—оправдывался, вероятно, батька.—Аще нет креста, то прикладывайтесь к балалайке!..

СТРАНИЧКА ЧИТАТЕЛЯ.

Любители старины.

Дорогой Крокодил. До сего времени я был уверен, что у нас не только не существует ятей и твердых знаков, но и по части двуглавого орла кое-что изменилось. Оказывается — ничего подобного. Тверской Губзотдел связи выпустил бланки «переводов по почте» со старым царским гербом и отпечатанные с сохранением старой же орфографии. Не перетолкуешь ли ты дружески с этими любителями старины?

Тверян.

Крокодил просит сообщить, как часто отслуживаются в Тверском Губзотделе связи панихиды по «в бозе почившем» императоре Николае II и читаются ли там какие-нибудь иные, кроме «Нового Времени», газеты.

Держиморда.

У нас в Караколе Джетысуйской области начальником Угольозыска является некий Андреев — беспартийный и очень милый человек.

Работник он исключительно добропорядочный. Арестанты сплошь и рядом избиваются им; ни одно задержание не проходит без того, чтобы в нос задержанному не совали револьвер и не грозили.

Понятно, что Андреева все боятся и молчат о его проделках.

Так как ты, Крокодил, никого не боишься и не раз насаживал на вилы подобных субъектов, то не поцеремонься, пожалуйста и с Андреевым.

Степаныч.

Строгий комендант.

Уважаемый Крокодил. Посылаю тебе любопытный документ:

Комендант

87 стр. п. 29 див.

12 июля

№ 252

г. Омск. Нач. базы при отр. 87 п.

При сем препровождается прачка отряда Талалаева Матрена на предмет расквартирования при общежитии вверенного вам отряда т. к. указанная гр-ка не заслуживает отдельную квартиру военного ведомства, одновременно сообщаю что в период проживания в занимаемой квартире упомянутой гр-кой поведение последней весьма было не честное а посему прошу передать таковую в врачебную комиссию на предмет освидетельствования о ее здоровье в противном случае к преданию к суду.

Комендант 87 п. Поплесухин. Признаков заболевания не обнаружено. Врач (подпись).

Как видишь из переписки, злоблудная прачка суду не предана. Но, к сожалению, вся эта история прошла благополучно и для коменданта. Не разъяснишь ли ты по какой статье Уголовного Кодекса судили бы прачку «в противном случае». А то мы искали и никак не могли найти. Местный.

Чем отыскивать статьи, пришлите лучше этого коменданта ко мне на конкурс. Крокодил.

Р. С. О. С. Р.

В Красноуфимскую

Гормилицию

Секретно

ОТД КОМУНАЛЬН. ХОЗЯЙСТВА

К. Депутатов

№ 3733/1

г. Красноуфимск

На Ваш 148 от 16-го июля с/г. при сем препровождается список квартирных предателей г. Красноуфимска

ПРИЛЖЕНИЕ: Упомянутое

Управдел

Примечание «Крокодила»: «Крокодил» долгие придумывал подпись к этому документу. Но должен был отказаться от подписи, ибо лучшие подписи Управдела не придумаешь.

Ряжские экскурсантки.

11 сентября на Выставку прибыло 157 экскурсантов Ряжского уезда. Среди них много и сору. Так, например, приехали жены ответственных работников: 1) Замперд Исполкома — Суханова, 2) Председателя Е. П. О. — Ермакова и 3) Секретаря одной ячейки РКП — Дягилева. Вся эта тройка ничего общего с советским строительством не имеет и представляет из себя чуждый нам элемент.

Теперь их «благочестивые мужья» водят по Московским театрам смотреть не выставку, а балерин. Как они попали в разверстку, об этом знает только Ряжская власть. М. П.

Автор этой корреспонденции, очевидно, не понял очень простой вещи. Все эти жены, видимо, присланы на выставку не в качестве экскурсанток, а экспонатов. Крокодил.

Организованность показали.

Товарищ Крокодил.

Будь другом. Загляни в наш медвежий уголок и разбери, кто тут прав, кто виноват, да взгрей оно по всей силе твоей Крокодиловой мудрости. Дело-то вот в чем. Ноне, как ты знаешь у нас урожай больно плох, семян своих не было. Обещали нам семесуду дать да вишь ты грех-то какой вышел. Послали нас, нуждающихся, за семенами на ст. Россолово, что от волости 100 верст, набралось подвод около 500 что не более; поехал почитать весь уезд Солигаличский; да еще в самую пору: сенокос и жниво.

Приехали в Россолово, спрашиваем, а нам и говорят — хлеб-от еще не пришел, да неизвестно когда будет. Ну сам знаешь, как дорого время крестьянину, сидеть на станциях не будешь, поехали обратно, ругая трехэтажно и всяко власть. Да и как не ругать то. Ведь 6 дней рабочих потерял каждый, лошадь измучил — загнал: колеса вдрызг поломал, на коле обратно поехали. Нутхо посчитай, сколько убытку-то. А пуще всего все это в горячую пору было.

Ездивший.

Петиция

Правление Севзапгоспароходства задержало выплату жалования рабочим и служащим на линии Шлиссельбург-Свирица на июль месяц, каковое получили только 24 августа, пени же, согласно колдоговора, 1% за каждый просроченный день не выплатило и, видимо, не будет платить а получения выдается дензнаками 23 г., так что при получении зарплаты рабочие потеряли до 50 и более % стоимости зарплаты, а потому —

Мы просим «Дядю Крокодила На время бросить берег Нила И перебраться на Неву, Забрав с собою острогу. Правление Госпароходства Колотъ почаще под бока, Чтоб не валяло дурака. Потучку заработной платы В срок никогда не выдает, А лишь о жалованье скажем Расчетом в нос тебе сует. Зарплату чтоб не зажимало, По договору выдавало, Дойми их «Дядя Крокодил» Крутым ударом острых вил.

Один за всех.

Почтовый ящик.

МОСКВА.

Готову. Ваше «понятие о чае» совсем не понятно.

Рубенсу - Чинарову. Больше всего нам понравился ваш псевдоним. Впрочем, Рембрант - Сыроежкин звучало бы еще лучше

Ренз. «Жертва вечерняя» не пойдет. Попробуйте еще раз.

Бобылеву. Тема Крокодилу уже использована.

Луг-Му. Присланное скучно.

Гидзе. Отвечаем вашими же словами: «Эффективный псевдоним не может искупить никчемности самого рассказа».

Назв. Стихи о нобах Крокодилу не нужны.

ПРОВИНЦИЯ.

Благовещенск — Сахалинцу. Присланное мелко За случайные опечатки на вилы не поднимаем.

Ст. Донецко-Амвросиевка — Михайлову, Морозовская — Легкодымову, Петроград — Сергееву, туда же — Лукашину, Подольск — Павлинову — Не пойдет.

Горловка — Г. Б. Тов. Б. пишет: «Эту часть можно выбросить».

Чтобы не разбивать целого, выбросили все.

М-ко Деражня (Подол. губ.) — Д. Р-у. «Посылаю вам несколько стихов. Из них два, если не сапра, то что-то похожее на нее». Присланное не только не сатира, но и на стихи не похоже.

Тамбов — Евгенову. Материал используем. Спасибо.

Г. Дюшамбе (Восточная Бухара) — Рышкову. Присылайте фактический материал. Будем рады.

Грозный — Вахливу. Пока не пошло. Материал посылайте. Будем рады.

Рогачев — «Тоже другу». «Я думаю начать тоже пописывать в твой курнальчик». И пишет:

«Все новые и новые законы О, бедная лавчонка моя. Они дают мне разные купоны, А деньги, деньги без кощца».

Наш курнальчик таких стихов все-таки не печатает.

Радантор — Ред. Коллегия.

Издание „Рабочей Газеты“.

МОСКВА, Охотный ряд.

ТЫ
послал свой взнос
НА АЭРОПЛАН
„Крокодил“?

Универсальное средство.

Товарищ Крокодил.

Не будет ли по твоим зубам слезящего рода факт.

В Екатеринославе штаб Чон выписал из местного спирт-склада 7 (семь) ведер чистого спирта «для санитарных надобностей». Неужели так велика заболеваемость (связанная с применением спирта) среди коммунаров?

А центральный партклуб имени т. Ленина выписал одно ведро спирта (чистого) для «лакировки мебели».

ОТ КРОКОДИЛА: Ишь, какие благородные стулья — спирт им дай, политурой недовольны.

ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ О БИБЛЕЙСКОМ ШУМЕ, ОБ АДАМЕ И ГУМЕ.

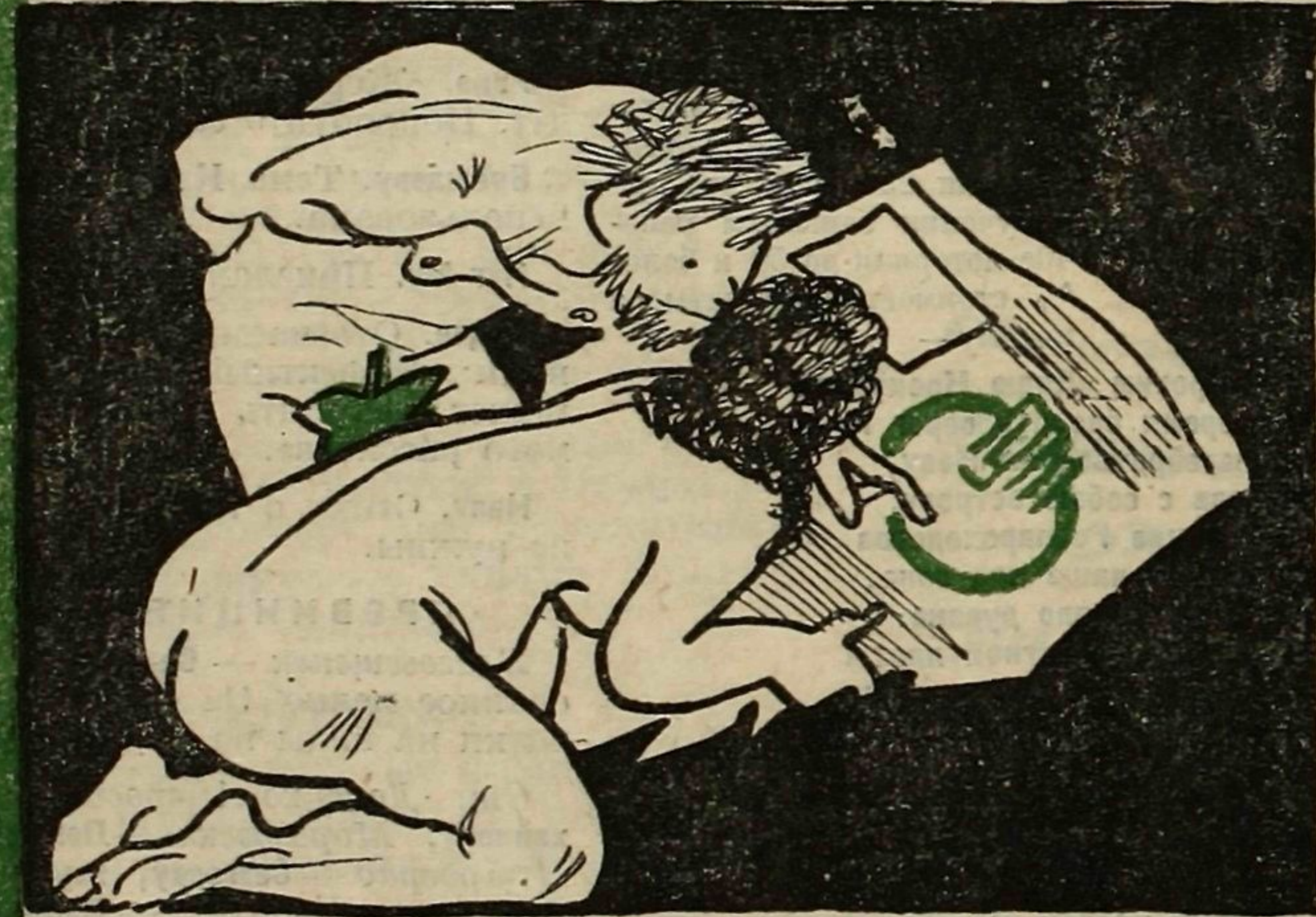
Рис. М. Черемных.

Адама выгнали из рая.
(Он поступил нехорошо!)
Бедняга, от стыда сгорая,
Поплелся с Евой нагишом.
Сердито бурмо ал он: «Ева!
Распронесчастная жена!

Я говорил тебе, что с древа
Ты куша ь яблоч не должна!
Куда, куда пойду тебе ь я?
Сыщу где райский уголок?
Моя одежда (хоть бы перья!)
Всего лишь фиговый листок!

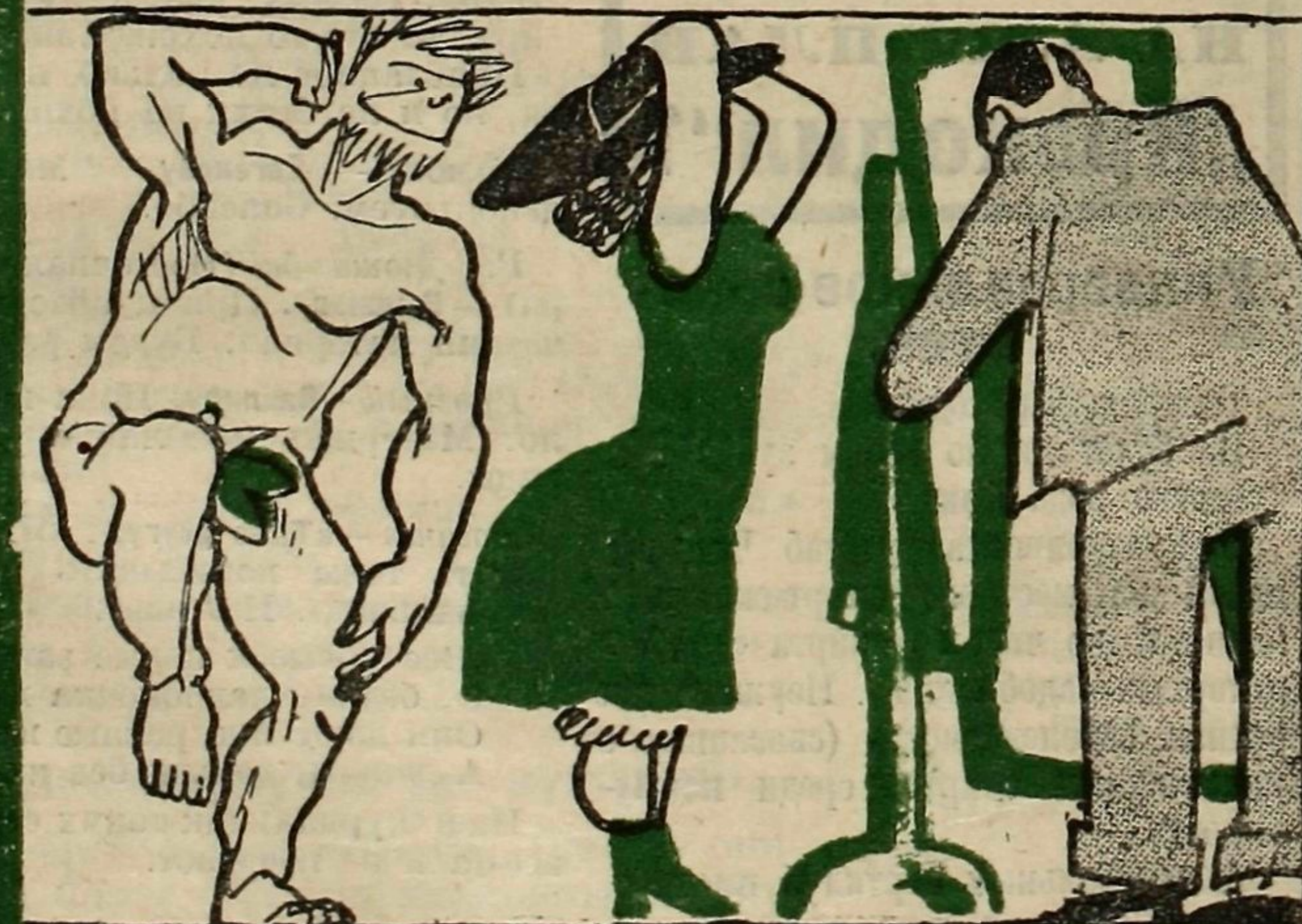
Тяжки супружеские узы
И нам грядущее темно.
Вед ь нас не впустят в Дом Союзов
И даже не в одно кино!»
— «Адам!— сказала сухо Ева,
Не только ты, но мозг твой гол!

Ты лучше б рассуждал без гнева,
Тогда и выход бы нашел.
К чему негодования эти?
Зачем уп еки, дрязги, шум?
Ужель ты не читал в газете,
Что есть в Мос. ве прек. асный ГУМ?

Недолгий сток на путь затрачен,
Прошел есего лишь час один.
Адам с супругой озадачен,
Войдя в советский магазин.
Товар заполнил все п илавки.
Он дешев, прочен и хорош—

От самотаров до булавки,
От модной юбки до галош.
Миг— и как будто бы с картинки
Сошли и Ева, и Адам.
Ск ипят шевровые бутинки.
Водя супругов по рядам.

Тела нагие скрыл проворит
К деснин и волшебник ГУМ.
Адам в пальто и шл ь пе че ной
На Еве английский костюм!

Тем, кто не верит в правду эту,
Одно лишь я сказать могу:
КАК БЫЛИ ГОЛЫЕ ОДЕТЫ,—
СТУПАЙТЕ УБЕДИТЬСЯ В ГУМ!